



Марина Ерофеевская из Архангельской области, г. Коряжма. Член международного союза писателей и мастеров искусств, участник ЛИТо «Белая сова» г. Коряжма. Финалист семинара молодых авторов в рамках фестиваля «Беловские чтения», г. Вологда, в результате которого рекомендована на всероссийское совещание в Химках 2023 вне конкурса. Публикации: журнал «Вечерний Котлас», сборники поэзии и поэтических переводов «Берега Дружбы», альманах «Царицын», сборник «Чистая лирика» издательства Перископ-Волга.

Марина Ерофеевская г. Коряжма

Из жизни в жизнь

Паутинка сухонькой ладошки,
Что ласкала старую гармонь,
На столе – холодная окрошка,
А в душе – пылающий огонь.

На стене – портреты и медали,
А в шкафу – наглаженный пиджак.
«Дедушка, на масле или сале?
Может, в русской печке – просто так?».

Платье было цвета свежих лилий,
Босиком бежала я во двор.
А соседка: «Как там дед Василий?» –
Спрашивала, мучая ковёр.

Дом был полон пыли и уюта,
А в деревне буйствовал июль.
Разлучила нас одна минута
И врачи с диагнозом – инсульт...

И деревня в миг на «до и после»
Разделила жизнь мою и быт.
Просто быть не так уж важно взрослой,
А скорее важно просто быть.

Жизнь летит, но звук его гармошки
Слышу через стены вдалеке,
Снова паутинку на ладошке
Я целую в собственной руке.

И врачи сквозь боль моих усилий:
«Пол мужской. Три двести. Пятьдесят.
Имя выбрали?». А я шепчу: «Василий...», –
Словно много-много лет назад.

А она пахла спелой вишней,
По фигуре струился шёлк.
Сколько ей? Где-то сорок с лишним.
Ах, как выглядит хорошо!

Мы вчера с ней встречались в парке,
А сегодня в статьях газет
И под фото на аватарке
Констатация – «больше нет».

Всё мне видится по-иному,
Перевернутым снизу вверх.
Мы с ней вроде едва знакомы,
А как будто бы целый век.

Не сильна я в подобном слоге,
Но задумывалась не раз:
Что напишется в некрологе?
Имя, должность и пара фраз.

После пафосного застолья
Занавесят внутри окно.
Ей, наверное, было б больно,
Если б не было всё равно.

Простынями застелют спальню,
Поменяют замки в дверях.
Говорят – умирать нормально.
Но не хочется проверять...

Игрушка

Словно рыба в море кверху брюшком,
На огромной площади людской
Я лежу потерянной игрушкой,
Вся в грязи, с поломанной рукой.

И гляжу сквозь капли на прохожих,
По делам несущихся бегом.
Кто-то громко крикнет: «Ну и рожа!»,
Наступая в лужу сапогом.

А потом бродячая собака
Оторвет кусок моей души.
И не станет смысла больше плакать,
И не станет смысла дальше жить.

Но однажды с гордою осанкой
Ты пройдёшь в толпе среди святош
И увидишь бранные останки,
И меня с дороги подберёшь.

Завернёшь в наглаженный платочек,
Прижимая искренне к груди.
Только огорчаться будешь очень,
Что вчера ты здесь не проходил.

Бухгалтерия времени

Год прошёл, расцвела мать-и-мачеха –
Не успела и глазом моргнуть.
Будто лёгкой рукой математика
Пересчитан мой жизненный путь.

Кто-то вечно ругает: «Проклятая!»,
На минутную стрелку смотря.
А часы – лишь экран калькулятора –
Подотчётного инвентаря.

Полустёртая кнопка на плюсики.
Кто-то на пьедестале, я под.
Но, как прежде, питаю иллюзию –
Вдруг сорвать в лотерее джек-пот.

Нет азарта во мне, тем не менее
Увлекалась опасной игрой.
Сколько раз, опоздав на мгновение,
Приходила на финиш второй!

Высших судей как будто заклинило –
Вместо золота – чистая медь.
Всё твердят: «Тебе рано за линию
Ленты финишной с надписью «смерть».

В ожиданье повышенной премии
Снова всадник к финалу летит.
Но, увы, бухгалтерия времени
Не одобрит бессрочный кредит.

Стиральная машина

Если крутят будни, не грехи на
Современный двадцать первый век.
Мир – огромная стиральная машина
С круглосуточным режимом – человек!

Если жизнь твоя испачкана и смята,
Не поставят на ноги врачи,
Не отмыться мылом ароматным,
Значит стоит просто «замочить».

А потом пусть вертит центрифуга,
Применяя экстренный отжим,
И тела людские с громким звуком
Бьются о стекло, как муляжи.

Посмотреть бы мне на «машиниста»,
Но закрылась дверь, и я в воде.
Из нее, надеюсь, выйду чистой,
Чтоб не стыдно было на суде.

Перечитав все книги мира
Великих дедов и отцов,
Он не создал себе кумира
Из тысяч лучших образцов.

За шлейфом творческой природы
Тянулся запах старых книг,
Среди умов литературы
Он был способный ученик.

В ней всё давно уже не ново,
В строке, абзаце и столбце.
Он знал – в начале было слово,
Но что же ждёт его в конце?

Шагал он к истине все ближе,
За долгожданною мечтой,
Где до сих пор шедевры пишут
Булгаков, Пушкин и Толстой,

В тумане розово-лиловом
Своей последней из дорог,
Узнав – в начале было слово,
И это слово было – Бог.